

М.И. ДРЕВАЛЬ

Образ Северного Кавказа на федеральных телеканалах*

В статье рассматриваются основные факторы формирования медиаобраза Северного Кавказа. Объект исследования разбирается в трех категориях: специфичность региона относительно его положения в РФ, исторический и культурный факторы формирования образа данного региона, а также особенности медиаосвещения Северного Кавказа на федеральных телеканалах. На основании предварительного анализа материалов СМИ были выявлены три ключевые характеристики образа Северного Кавказа, транслируемого на федеральных телеканалах – это “взрывоопасность” региона (террористическая активность), высокая концентрация криминалистических группировок и социально-экономическое неблагополучие. Исследование выполнено в рамках методологии, обоснованной на базе экспертных интервью.

Ключевые слова: образ Северного Кавказа в СМИ, межэтническая неприязнь, медиавоздействие, межэтнические конфликты, экспертные интервью.

Современное общество вступает в эпоху глобализации, что оказывает существенное влияние на межкультурные коммуникации, на процессы взаимовлияния различных культур. Транснационализация хозяйственной жизни, размывание суверенитета, растущее влияние массовой культуры приводят к унификации национальных традиций, потере этнической идентичности. В России, как и во многих посткоммунистических странах, эти процессы сопровождаются и реакцией отторжения, усилением локализации и связанными с ним сепаратизмом и противопоставлением себя федеральным властям. Процесс локализации состоит в стремлении сохранить отличия одних людей от других, и здесь этничность выступает наиболее важным критерием для выражения этих отличий.

Сегодня на Северном Кавказе наблюдается переплетение общемировых и внутренних российских тенденций. Ситуацию в регионе усложняет местная этническая специфика. Это обусловлено тем, что Кавказ издавна был пограничным регионом между Западом и Востоком. Ныне регион характеризуется высокой степенью нестабильности, в связи с чем рассматривается некоторыми исследователями как “потенциальные Балканы” [Авксентьев, Аксюмов 2007, с. 146], как часть “евразийского пояса нестабильности”, протянувшегося от Балканского полуострова до Гималаев.

На процесс формирования антитезы “свой–чужой” сильное влияние оказало геополитическое положение региона, издавна делавшее Северный Кавказ объектом территориальных притязаний для сильных соседних империй. Это порождало имперскую экспансию в регион, откуда и давнее представление о русских как “захватчиках”.

* В статье использованы результаты проекта “Синдром политической ностальгии в современной России”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

Древаль Марина Игоревна – стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории политических исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, Милютинский пер., д.13, комн. 219. E-mail: marina_drevail@mail.ru.

Однако наличие противопоставления “мы–они” свойственно любому типу общности. В основе такого разграничения лежат устоявшиеся стереотипы о внешних признаках и специфических характеристиках, отличающих “своих” от “чужих”: обычаи, религиозные обряды, язык, образ жизни, менталитет.

Согласно вышеперечисленному ряду характерных черт, к слову, весьма неполному, коренные жители Северного Кавказа также не входят для многих россиян в категорию “своих”. Об этом свидетельствуют и опросы общественного мнения, где представители этносов Северного Кавказа, например чеченцы и дагестанцы, лидируют в рейтингах самых “нелюбимых” национальностей [ВЦИОМ... 2010]. Однако под указанные категории попадают этносы и из других регионов России, а также внешние мигранты, но наиболее сильное неприятие наблюдается именно в отношении представителей данного региона. Нарастающая конфронтация повышает уровень социальной напряженности в стране и потенциально угрожает целостности Федерации, в связи с чем проблема негативного восприятия Северного Кавказа все более актуализируется.

Вопрос о причинах и источниках кавказофобии поднимался в исследованиях Х. Рама А. Фоксала, В. Шнирельмана Я. Ракачевой, [Ram 1999; Foxall 2010; Шнирельман 2010; Ракачева 2012], однако консенсуса по этому вопросу в научном сообществе нет. Одной из возможных стратегий поиска ответа на вопрос об источниках кавказофобии в современном российском обществе – рассмотрение источников формирования общественного мнения. В России, согласно многим опросам, основным каналом информации являются СМИ, причем наибольшим доверием среди россиян пользуется федеральное телевидение [ВЦИОМ... 2012]. Анализ материалов СМИ, транслирующих негативный образ “кавказца” и более обобщенно “этнического мигранта”, неоднократно проводился, в частности в исследованиях М. Фадеичевой [Фадеичева 2012], С. Муртузалиева [Муртузалиев 2010]. Однако ими не ставился вопрос, чем обусловлен этот сложившийся образ.

Таким образом, проблему можно сформулировать как поиск причин негативного восприятия Северного Кавказа относительно других регионов страны, несмотря на их формальное равенство. Соответственно, целью исследования будет выявление причин формирования такого образа данного региона, в частности, на федеральном телевидении.

Подготовительным этапом работы стал мониторинг материалов о Северном Кавказе. Этот регион крайне неоднороден, и поэтому медиаосвещение его субъектов существенно различается, в связи с чем массив материалов был разделен на тематические блоки, соответствующие этническим республикам Северо-Кавказского административного округа: Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Чечня. Сбор первичного эмпирического материала проводился с помощью информационно-аналитической системы “Медialogия”. База данных включает сообщения с 13 федеральных телеканалов в период с 10 декабря 2010 г. по 10 февраля 2013 г. Отправной точкой исследования стали беспорядки на Манежной площади, вызванные убийством футбольного болельщика Е. Свиридова выходцами из Дагестана. Это событие в очередной раз вернуло проблему взаимодействия жителей Центральной России с выходцами из Северного Кавказа в центр общественного дискурса. В исследовании используется и качественный, и количественный анализ: динамика упоминаемости сообщений, распределение их тематики и анализ эмоциональной коннотации сообщений.

Общее количество упоминаний, как и их динамика, сильно различаются у разных республик. Например, более чем за два года на федеральных телеканалах новостные сообщения об Адыгее появлялись всего 276 раз, в то время как о Дагестане за тот же период было выпущено 2637 сообщений. На втором месте по упоминаемости находится Кабардино-Балкария – 1687 сообщений, 1131 сообщение посвящено Чечне и менее тысячи – каждой из оставшихся республик (Ингушетии, Северной Осетии – Алании, Карачаево-Черкесии). Наибольшее количество упоминаний принадлежит так называемым взрывоопасным республикам, в которых относительно часто – один–два раза в

**Информационные поводы с наиболее высоким рейтингом упоминаемости республик
Северного Кавказа**

Республика	Наиболее известные события, происшедшие в республике	Количество упоминаний
Чечня	Теракт в Грозном 30 августа 2011 г.	56
Дагестан	Расследование теракта в Махачкале 22 сентября 2011 г.	69
Ингушетия	Расследование теракта, произошедшего 19 августа 2012 г.	71
Адыгея	Наводнение	29
Карачаево-Черкесия	Жесткая посадка Ми-8	33
Северная Осетия – Алания	Нахождение денег, похищенных при ограблении банка	88
Кабардино-Балкария	Убийство телеведущего К. Геккиева	84

месяц, случаются взрывы, подготовленные боевиками. Остальные информационные поводы, как правило, также негативны: теракты, спецоперации, авиакатастрофы, наводнения (см. табл.).

Приведенная таблица отражает основные тематики сообщений о Северном Кавказе на федеральных телеканалах. При анализе общего массива – транскриптов новостных передач были выделены основные характеристики образа Северного Кавказа в СМИ – “взрывоопасность”, криминальность и социально-экономическое неблагополучие.

Северный Кавказ – регион террористов?

Терроризм – одна из наиболее частых ассоциаций, возникающих в ответ на словосочетание “Северный Кавказ” (см., например, [ФОМ 2005]). Показательно, что та же ассоциация оказывается основной характеристикой медийного образа Северного Кавказа. К данной категории относятся не только сообщения о произошедших взрывах, а также об их предотвращении, спецоперациях против боевиков, а также оперативных совещаниях, посвященных подобным происшествиям. Для Чечни, Дагестана и Кабардино-Балкарии тематика терактов составляет более половины сообщений об этих республиках. Для Северной Осетии – Алании и Карачаево-Черкесии данная тематика колеблется в районе 30%; фактически не говорят о взрывах в Адыгее (менее 1%). Вероятно, с этим и связан самый низкий показатель ее упоминаемости относительно других рассматриваемых республик.

Как регион Северный Кавказ предстает перед зрителями федеральных телеканалов крайне небезопасным местом, где часто “ликвидируют боевиков”, “предотвращают теракты”, “проводят спецоперации”. В среднем за рассмотренный период сообщения о терактах в Дагестане появляются шесть дней в неделю, в Ингушетии и Кабардино-Балкарии пять дней в неделю, в Северной Осетии – Алании – три раза в неделю, в Карачаево-Черкесии и Чечне один раз.

Теракты в республиках Северного Кавказа, в силу их частого упоминания в СМИ, стали обыденным явлением для зрителя, как часть повседневной жизни региона, в связи с чем очередное событие, относящееся к данной тематике, делают более заметным за счет акцентирования на мощности взрыва, количестве жертв, объеме разрушений: “Взрыв был такой силы, что грохот услышали даже на окраинах соседнего города Кастийска, а многотонную пожарную машину разнесло в клочья. По словам людей, живущих неподалеку от поста, ударная волна едва не выбила стекла в домах” (Россия 1, “Вести”, 4 мая 2012 г.). “В Грозном в результате двойного теракта погиб-

ли девять человек, еще 20 получили ранения. Шестеро из них находятся в тяжелом состоянии. Это уточненные данные. Взрывы прогремели в центре чеченской столицы накануне поздно вечером. Оперативники не исключают, что планы террористов были более масштабными, поскольку все случилось недалеко от здания республиканского парламента” (1 канал, “Новости”, 31 августа 2011 г.).

В сообщениях о боевиках часто делается акцент на жестокости преступников: *“Жестокое преступление произошло накануне в Буйнакском районе Дагестана. Там убит известный мусульманский духовный лидер Саид Афанди. Он читал проповедь в собственном доме, когда под видом паломниц сюда проникла смертница. В результате взрыва погибли еще шесть человек, среди которых 12-летний мальчик”*. (Россия 1, “Вести”, 29 августа 2012 г.).

Информируя о терактах, новостные службы федеральных телеканалов часто фокусируют внимание на тяжелых травмах, полученных жертвами теракта: *“У всех множественные осколочные ранения различных частей тела, начиная от головы, грудной клетки, верхних и нижних конечностей, брюшной полости и так далее. Одним словом, повреждения у всех очень серьезные и очень тяжелые”* (НТВ, “Сегодня”, 31 августа 2011 г.).

Ярко выраженной негативной коннотацией обладают цитаты политических деятелей, приводимые в новостных репортажах: *“То, что удалось накрыть логово этих мерзавцев, это хорошо. Я считаю, что сработали четко и тем самым бандподполью нанесли ощутимый урон”* (Дмитрий Медведев, 1 канал, “Время”, 29 марта 2011 г.). *“Они враги народа, враги закона, враги ислама, и поэтому я призываю опять же больше приложить все усилия и народу Чеченской республики, и правоохранительным структурам, и спецслужбам, чтобы в ближайшее время находить и уничтожать всех этих шайтанов”* (Рамзан Кадыров, 5 канал, “Сейчас”, 31 августа 2011 г.).

Здесь хотелось бы отметить, что выступления Д. Медведева, Р. Кадырова и других государственных деятелей не только подчеркивают жестокость террористов, но и создают некий собирательный образ “боевика” – безжалостного монстра, нечеловека. В любой точке страны, где бы ни совершались теракты, неизменно возникает ассоциация с Северным Кавказом, поддерживаемая и подогреваемая федеральными СМИ.

“Криминальный регион”

Сообщений о преступлениях, не связанных с терроризмом, существенно меньше, однако и им посвящена значительная часть медиадискурса о Северном Кавказе. Ограбления, коррупционные схемы и громкие убийства так же, как и теракты, обладают высоким индексом заметности¹. В Кабардино-Балкарии общий объем сообщений данной тематики превышает 30% всего объема материалов о республике. В других республиках этот показатель составляет около 20%. Наибольшее количество упоминаний получают, как правило, громкие убийства: *«В Нальчике застрелен Казбек Геккиев, известный на Северном Кавказе телеведущий... Геккиев шел к себе домой после эфира и получил две пули в голову прямо на улице. В Кабардино-Балкарии введен план “Вулкан-4”, возбуждено уголовное дело, полиция ищет убийц...»* (Рен ТВ, “Новости 24”, 6 декабря 2012 г.).

Согласно медийному дискурсу федеральных телеканалов, на Северном Кавказе существуют достаточно крупные преступные группировки, совершающие громкие ограбления, подделку денежных знаков и коррупционные преступления: *“Во Владикавказе в результате спецоперации задержаны подозреваемые в производстве фальшивых денег. Процесс реализации поддельных купюр был налажен с размахом и доведен до автоматизма. Злоумышленники действовали в своем регионе, не выезжая за пределы Северного Кавказа”* (Рен ТВ, “Экстренный вызов”, 2 марта 2011 г.).

¹ Заметность сообщения – показатель, рассчитываемый информационно-аналитической системой “Медиадиалогия”, учитывающий влияние СМИ, полосу издания, размер публикации, наличие и размер иллюстраций, экспрессивность заголовка и другие параметры.

Популярный инфоповод – кража детей из родильных домов республик Дагестана: *“На Северном Кавказе получила продолжение громкая история о продаже новорожденных детей. Спецоперация проходила на территории двух регионов – Чеченской республики и Дагестана. Полицейские задержали предполагаемых лидеров группировки, заведующего детским отделением роддома и его коллегу”* (Россия 1, “Вести. Дежурная часть”, 26 ноября 2012 г.).

Справедливости ради стоит отметить, что криминальные сюжеты в медиапространстве не концентрируются исключительно на Северном Кавказе – их много и в сообщениях о других регионах. Однако относительно малое количество (менее 1%) позитивных инфоповодов делают криминал частью общей картины обыденной жизни Северного Кавказа, создаваемой федеральными телеканалами для зрителя, мало знакомого с регионом вне телевизионной “картинки”.

Северный Кавказ – регион социально-экономического неблагополучия

Социально-экономическая ситуация в разных республиках Северного Кавказа сильно отличается. Однако наиболее сложное положение в Чечне, Дагестане и Ингушетии экстраполируется на весь регион. Данный стереотип поддерживается и федеральным телевидением: та часть сообщений, которая не относится к терактам и прочим криминальным преступлениям, как правило, описывает природные бедствия, социальные проблемы и гораздо в меньшей степени – праздники и достижения. Среди основных проблем обычно упоминаются *“низкие доходы населения”, “высокие темпы миграции”*.

В то же время, несмотря на обилие социально-экономических проблем, в новостных сообщениях появляется информация о покупках роскошных автомобилей, загородных поездках чеченских чиновников. Это только подкрепляет негативные представления и прибавляет популярности лозунгу *“Хватит кормить Кавказ!”*. Приведу пример подобных сообщений: *«Новости госзаказов. Аппарат народного собрания Дагестана разместил госзаказ на предоставление гостиничных услуг в Москве, 2 номера. И в заявке детально прописано, что первый номер, двухместный люкс, должен занимать не менее 100 кв. метров и иметь не менее двух туалетов. И услуги должны включать право на посещение фитнес-центра, а также обязательные киноконцертный зал, сауна, бильярд, парикмахерская и экскурсионные услуги. Но, пожалуй, с такими запросами лучше делать госзаказ там, где любит отдыхать российская элита, в Арабских Эмиратах. Там сейчас приходят в себя после так называемого “русского сезона”. Традиционно первая половина мая – это время наплыва русских олигархов и чиновников»* (Рен ТВ, “Новости 24 с Михаилом Осокиным”, 16 мая 2011 г.). *«На неделе стало точно известно о главном источнике финансирования Чечни. На вопрос журналистов, откуда берутся деньги на строительство небоскребов, дорог и стадионов, президент республики Рамзан Кадыров ответил коротко: “Аллах дает”. В среду² весь мир мог убедиться, что Аллах не забывает о Чечне...»* (Россия-24, “Новости”, 5 октября 2011 г.).

Таким образом, Северный Кавказ позиционируется федеральными телеканалами как крайне неблагополучный, бедный регион, где большая часть людей живет без работы и где горстка чиновников растрчивает бюджетные дотации на шикарные праздники и предметы роскоши.

Особенности медиаосвещения Северного Кавказа: анализ экспертных интервью

Чтобы рассматриваемый образ был более полным, важно обратить внимание на внутренние (издательская политика, приоритетность новостей) и внешние (уровень социальной и политической напряженности, состояние экономики страны и др.) эф-

² В данном случае речь идет о дне города в Чечне.

фекты, влияющие как на формирование медиадискурса о Северном Кавказе, так и на его восприятие. Для дальнейшего анализа использовались материалы 10 экспертных интервью, каждое из которых длилось в среднем 60 минут. В качестве респондентов выступали как эксперты теоретики по северокавказской тематике, так и практикующие эксперты, непосредственно занимающиеся медиаосвещением Северного Кавказа. Во второй группе присутствовали корреспонденты как федеральных СМИ, так и информационных агентств, специализирующихся на Северном Кавказе. Такое разделение важно с той позиции, что интервью с исследователями, не участвующими непосредственно в медиаосвещении Северного Кавказа, позволяют получить общую картину по специфике региона и источникам кавказофобии, не имеющим отношения к СМИ. В свою очередь, практикующие эксперты помогают выявить внутренние особенности формирования медиадискурса о Северном Кавказе.

Еще один важный фактор, который также учитывался при построении отбора экспертов, – принадлежность к рассматриваемому региону. Чтобы получить наиболее полный спектр взглядов по заявленной проблеме, отбор производился так: пятеро респондентов выросли и/или живут на Северном Кавказе, а пятеро связаны с ним только в профессиональном отношении. Данный фактор приобретает особенное значение в контексте данного исследования, поскольку это позволяет взглянуть на проблему как с внутренней, так и с внешней стороны. При этом появляется возможность идентифицировать искажения в данных, вызванные эмоциональной позицией исследователя.

В вопросе об определении роли СМИ, в частности федерального телевидения, в складывании негативного образа Северного Кавказа, среди экспертов не сложилось единой позиции. Очевидно, что профессиональные особенности каждого респондента неизбежно искажали его оценку. Так, журналисты федеральных СМИ утверждали, что роль телевидения вторична и что проблема негативного восприятия лежит в разности культур, исторических особенностях, слабых институтах. О первичной роли государственных телеканалов как формирующих дискурс о Северном Кавказе они упоминали крайне редко. Однако такое мнение часто встречалось среди академических исследователей и журналистов кавказо-ориентированных СМИ.

Говоря об особенностях формирования медиадискурса о Северном Кавказе, эксперты отмечали, что тематика терактов и вообще повышенное внимание к региону – прежде всего ориентация на спрос: *«Мне в этом смысле понятна вещь типа взрыва полицейской машины в Махачкале, независимо от того, государственные это СМИ или негосударственные. Это “must” такой, то есть это попало в агентство именно потому, что есть какой-то спрос на такие новости о Северном Кавказе, и его ведь заметят зарубежные агентства, поэтому его нельзя не отработать, и оно отрабатывается, независимо от того, программа “Время” это или частная газета».*

Что касается как криминальных происшествий внутри региона, так и скандалов вокруг северокавказских общин в Центральной России, то, как правило, это также объяснялось спросом, основанном на том, что у аудитории исторически сформировано восприятие “диких кавказцев”: *«Я бы взял (в качестве примера истории о “диких кавказцах”. – М.Д.) историю с ружейным салютом во время свадьбы внизу Тверской улицы, которую довольно много обсуждали, анализировали, проводили альтернативное расследование, выяснилось вроде, что не было стрельбы, но заказ общественно-го мнения и аудитории читательской, зрительской и слушательской таков, что это как архетипическое поведение, восприятие кавказцев, понятно, что такое могло бы быть и рынок СМИ отвечает на спрос своим предложением».*

При этом важно отметить, что события социальной, экономической и культурной сфер освещаются точно так же, как и в других регионах: *«Если мы говорим про первую-вторую кнопку (федеральные телеканалы “Первый канал” и “Россия 1”. – М.Д.) и говорим про новостной формат, они освещают Кавказ ровно так же, как всю остальную Россию. Того же самого Рамзана Кадырова, открывающего больницу, показывают ровно как федерального чиновника. Просто Кадыров в данном случае обладает неким колоритом. Все остальное – специфика восприятия каждого зрителя».*

Говоря о специфике медиаосвещения на Кавказе, респонденты часто упоминали о влиянии внешнего фактора – *событий на Украине*. На данный момент упоминаемость Кавказа в СМИ, в том числе и федеральных, резко снизилась, и тенденций к изменению пока не предвидится. Обусловливается данное явление тем, что Северный Кавказ, согласно мнению экспертов, использовался в качестве *“образа внутреннего врага”* для поддержания групповой идентичности среди жителей остальной России. Теперь же, в связи с событиями на Украине, вырабатывается собирательный *“образ внешнего врага”*, который укрепляет внутригрупповую идентичность уже среди всех граждан страны, не исключая и жителей этнических республик Северного Кавказа.

* * *

Итак, в результате анализа стенограмм новостных выпусков, было выявлено, что образ Северного Кавказа на федеральных телеканалах обладает тремя ключевыми характеристиками: *террористический, криминальный и неблагополучный с социально-экономической точки зрения*. При этом первая характеристика встречается относительно чаще, но в целом все они несут негативную коннотацию.

Среди факторов, обуславливающих формирование негативного образа региона, прежде всего стоит отметить то, что федеральное телевидение, как и любое СМИ, *ориентируется на спрос*, а поскольку шокирующая новостная тематика (взрывы, теракты, природные бедствия) обладает, по мнению экспертов, высокими рейтингами среди зрительской аудитории, она оказывается приоритетной относительно других инфоповодов. Второе важное условие – репортажи данной категории СМИ, при *внешней нейтральности* их подачи, сохраняют *одностороннюю точку зрения*, при возможности трактуя ситуацию так, чтобы роль власти в случившемся либо отсутствовала, либо вызывала позитивную эмоциональную оценку. И наконец, *негативная эмоциональная коннотация сообщений* создается за счет визуального сопровождения, кадров, иллюстрирующих шокирующие сцены последствий взрывов, яркий контраст социального неравенства, объемы разрушений в результате природных бедствий. Важное дополнение – высказывания лиц высшего руководства, содержащие негативную эмоциональную экспрессию и ненормативную лексику.

Существенно, что повышенное внимание к региону в современном общественном дискурсе обусловлено не только его негативной репрезентацией в СМИ [Боров, Муратова 2011], но и специфическими особенностями самого региона. Одна из таких важных черт – *демографическая структура Северного Кавказа*, для которой характерны высокая рождаемость и интенсивный отток населения в центральные регионы России. Следует отметить также очевидную асимметричность управления республиками Северного Кавказа относительно других субъектов РФ, выражающуюся в провалах законодательства и повышенных полномочиях местных элит. Нельзя не упомянуть и *клановую структуру общества*, ярко проявляющуюся на Северном Кавказе, и *специфическую религиозную картину*, выражающуюся во внедрении религиозного права в политическую жизнь региона и частичной замене институтов муниципального управления религиозными. И наконец, не забудем *высокий уровень конфликтности* на Северном Кавказе, причем конфликты здесь часто перерастают в военизированные формы.

В качестве условий, в которых формируется образ Северного Кавказа в СМИ, нельзя игнорировать *исторические основы этнической неприязни к Северному Кавказу* со стороны российского общества. Первые источники кавказофобии возникли еще в XIX в., в процессе освоения и колонизации Кавказа, и были усилены в ходе русско-чеченской войны. И наконец, последний фактор, предопределяющий создание негативного образа Северного Кавказа в СМИ, связанный с притоком мигрантов с Северного Кавказа в другие регионы России – это *воспринимаемое агрессивное поведение* выходцев из этнических республик данного региона по отношению к местному населению, обусловленное традициями и чуждой средой.

Следует отметить промежуточное условие, оказывающее значительное влияние на образ Северного Кавказа в СМИ и даже несколько его трансформирующее. Речь идет об активном боевом действии в соседней Украине и связанное с ними повышенное внимание к внешнеполитическим событиям. На фоне текущих политических событий заметность Северного Кавказа в СМИ стала снижаться, и его негативный образ постепенно замещается событиями международного значения.

На основе собранного эмпирического материала были сформулированы возможные меры по снижению негативной направленности образа Северного Кавказа на федеральных телеканалах. Однако они не связаны непосредственно с управлением федеральными СМИ и решают проблему негативного восприятия Северного Кавказа в остальных частях России в целом, поскольку негативный образ региона в федеральных СМИ – один из его аспектов. Первая мера относится к политическому управлению. Она состоит в расширении полномочий муниципальной власти, в том числе и финансовых, что позволит решать бытовые конфликты между представителями различных этносов, не доводя их до уровня межэтнических. То же относится и к полиции – многие преступления могли бы не стать достоянием общественности и дополнительным основанием для ксенофобии, будь они вовремя раскрыты правоохранительными органами. И вторая мера, осуществить которую уже гораздо сложнее, – выработка национально-государственной идеи, обосновывающей действующий состав Российской Федерации. После распада Советского Союза объединяющий концепт, особенно важный для многонациональных обществ, был утерян, а для нынешнего государства он еще не был сформулирован, что оставляет потенциал для сепаратистских движений и представляет опасность для целостности страны в будущем.

В качестве следствия из проведенного анализа можно сформулировать следующий тезис. Преодоление негативной направленности образа Северного Кавказа вполне возможно, однако требует как политической воли “верхов”, так и готовности к диалогу со стороны всех этнических групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авксентьев В.А., Аксумов Б.В. (2007) Конфликт цивилизаций в региональном преломлении: Кавказ и Балканы // ПОЛИС. № 4. С. 146–157.
- Боров А.Х., Муратова Е.Г. (2011) Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. № 4. С. 157–166.
- ВЦИОМ (2010) Пресс-выпуск № 1498: этнические симпатии и антипатии россиян (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13515>).
- ВЦИОМ (2012) Пресс-выпуск № 2081: вся правда – в телевизоре? (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112941>).
- Муртузалиев С.И. (2010) Проблемы идентичности кавказцев и россиян. Махачкала: Форумат.
- Ракачева Я.В. (2012) “Кавказцы” в российском регионе: формирование стереотипного образа и преодоление предубеждений // Общество: социология, психология, педагогика. № 2. С. 40–47.
- Шнирельман В.А. (2010) “Чистильщики московских улиц”: скинхеды, СМИ и общественное мнение. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Academia.
- Фадеева М.А. (2012) Этнонациональная тема в СМИ: сабантуй против Сагры // Этнопаранама. № 1(2). С. 25–34.
- ФОМ (2005) Северный Кавказ: знания и представления о регионе (<http://bd.fom.ru/report/cat/eur/dd053224>).
- Foxall A. (2010) Discourses of demonization: Chechens, Russians and the Stavropol's Riots of 2000. *Geopolitics*, no. 4. Pp. 684–704.
- Ram H. (1999) Prisoners of the Caucasus: Literary Myths and Media Representations of the Chechen conflict // Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies, Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies: UC Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies (<http://www.escholarship.org/uc/item/45t9r2f1>).

The image of the North Caucasus on federal channels

M. DREVAL*

***Dreval Marina** – research assistant, Laboratory for Political Studies, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 13, Milyutinsky lane., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: marina_dreval@mail.ru.

Abstract

This article discusses the main factors of media image of the North Caucasus. The object of the study is considered in the following three categories: the specificity of the region relative to its position in the Russian Federation, the historical and cultural factors of the formation of the image of the region, as well as features of news-making about the North Caucasus, in particular, on the federal TV channels. Based on the analysis there were identified three key characteristics of the image of the North Caucasus, broadcasted on federal television channels – a “explosiveness” of the region (terrorist activity), the high concentration of criminal groups and socio-economic disadvantage. The study was performed according to the methodology based on the material of expert interviews.

Keywords: the image of the North Caucasus on federal channels, mass media influence, grounded theory, expert interviews, ethnic conflicts.

REFERENCES

- Avksent'ev V.A., Aksyumov B.V. (2007) Konflikt tsivilizatsiy v regional'nom prelomlenii: Kavkaz i Balkany [“Clash of Civilizations” in Regional Aspect: the Caucasus and the Balkans]. *Politicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 146–157.
- Borov A.Kh., Muratova E.G. (2011) Severnyy Kavkaz v sovremenном obshchestvennom diskurse [The North Caucasus in the modern public discourse]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 157–166.
- Fadeicheva M.A. (2012) Etnonatsional'naya tema v SMI: sabantuy protiv Sagry [Ethno-national theme in the media: Sabantui against Sagra] *Etnopanorama*, no. 1, pp. 25–34.
- FOM (2005) Severnyy Kavkaz: znaniya i predstavleniya o regione [North Caucasus: knowledge and the understanding of the region] (<http://bd.fom.ru/report/cat/eur/dd053224>).
- Foxall A. (2010) Discourses of demonization: Chechens, Russians and the Stavropol's Riots of 2000. *Geopolitics*, no. 4, pp. 684–704.
- Murtuzaliev S.I. (2010) *Problemy identichnosti kavkaztsev i rossiyan* [The problems of Identity Caucasians and Russians]. Makhachkala: Format.
- Rakacheva J.V. (2012) “Kavkazcy” v rossiyskom regione: formirovanie stereotipnogo obraza i preodolenie predubezhdeniy [Caucasians in the Russian region: the formation of the stereotypical image and overcoming prejudices]. *The society: sociology, psychology, pedagogic*, no. 2, pp. 40–47.
- Ram H. (1999) Prisoners of the Caucasus: Literary Myths and Media Representations of the Chechen conflict. *Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies, Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies*: UC Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies (<http://www.escholarship.org/uc/item/45t9r2f1>).
- Shnirelman V.A. (2010) “Chistil'shchiki moskovskikh ulits”: skinkhedy, SMI i obshchestvennoe mnenie [Moscow street cleaners: skinheads, the media and public opinion]. Moscow: Academia.
- WCIOM (2010) Etnicheskie simpatii i antipatii rossiyan [Ethnic likes and dislikes of Russians]. (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13515>).
- WCIOM (2012) Vsyá pravda – v televizore? [Is the whole truth on TV?] (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112941>).